

Содержание „слова жалостна“ матери Скопина, которое она произносит „во слезах“ („восплакалась горко“), в повести объединяет предостережения княгини, предшествовавшие описанию крестильного пира, с ее жалобами, какими она встречает заболевшего сына. Начало „слова жалостна“ — вопрос матери, почему князь „рано и борзо с честного пиру отъехал“¹ — в одном из архангельских вариантов песни построено на обычном былинном мотиве:

Уж ты ой еси, мое дорого дитя!
Што же ты приехал не по старому?
Але пир-от тебе бывает не по юму (не по уму)?
Подносчики были бывает невежливы?
А винны-те цары да не доходили?
Але пивны стаканы да не доносили?²

В повести вместо этого обобщенного эпического вопроса — сомнения матери, относящиеся именно к данному крестильному пиру: „Любо тебе богоданный крестны сын принял крещение не в радости? Любо тебе в пиру место было не по отчеству?“ (для начала XVII века такой вопрос не был лишь „поэтическим приемом“). „Или бо тебе кум и кума подарки дарили не почестные?“. И, наконец, последний вопрос матери прямо указывает на то, что она догадалась об отравлении: „А хто тебя на пиру честно упоил честным питием? И с того тебе пития век будет не проспаться“.

Последние слова матери в повести — упрек сыну, не послушавшемуся предупреждения, — в песне иногда помещаются также в заключительной сцене. Так, в одном из сибирских вариантов мать встречает заболевшего сына такими словами-упреками:

В старину-то я Скопинушке говаривала:
Ты не езди, Скопин, во каменну Москву,
Не дружи ты с дочерью Малютиной!
Не послушал, Скопин, родну матушку,

И князь Михайло Васильевич выпивает ту чару досуха,
А не ведает, что злое питие (лютое) смертное.
И не в долг час у князя Михайла во утробе возмутилося
И не допировал пиру почестного,
И поехал к своей матушке княгине (Елене Петровне).
И как въсходит в свои хоромы княженецкие,
И усмотрила ево мати
И возрила ему во ясные очи,
И очи у него ярко возмутились,
(а лице у него страшно кровию знаменуется,
а власы у него стоя на главе колеблются),
И восплакалась горко мати его родимая,
И во слезах говорит ему слово жалостно:
Чадо мое (сын) князь Михайло Васильевич,
Для чего ты рано (и борзо) с честного пиру отъехал,
Любо тебе богоданный крестны сын
Принял крещение не в радости?
Любо тебе в пиру место было не по отчеству?
(Или бо тебе кум и кума подарки дарили не почестные?).
А хто тебя на пиру (честно) упоил честным питием?
И с того тебе пития век будет не проспаться.
И колко я тебе, чадо (в Олександрову Слободу) приказывала:
Не езди во град Москву,
Что лихи в Москве звери лютые,
А пышат ядом змииним изменничьим.

¹ Ср. в песне: „Да встречала его матушка, горко плакала“ (В. Миллер. Историические песни русского народа XVI—XVII вв. Пгр., 1915, стр. 556).

² Там же, стр. 551.